

Внутри обители, стоило Чэн Муюню переступить порог, одна за другой начали загораться висящие на стенах жемчужины ночного света. Как он и предполагал, древний массив скрывал внутреннее убранство от любого, кроме самого Хэ Юаня.

Взору открылась до боли знакомая картина.

Мебель стояла на тех же местах, что и века назад — всё выглядело именно так, как в те дни, когда Муюнь сам жил здесь. Окинув комнату беглым взглядом, он направился напрямик в спальню.

Всё та же кровать из холодного нефрита, а рядом — занимающие всю стену стеллажи, забитые книгами, которые юноша когда-то перечитывал сотни раз.

К его облегчению, здесь не обнаружилось никаких зловещих клеток из черного железа или цепей. По крайней мере, в реальности хозяин пика ещё не дошел до мыслей о том, чтобы заточить наставника в неволю.

«Фух...»

На нефритовом ложе, мерцая призрачным голубым пламенем, стоял Фонарь собирания душ.

Муюнь подошел ближе и замер, не сводя глаз с артефакта.

«Что не так? — поинтересовалась Система. — Ты же собирался его уничтожить?»

Чэн Муюнь помолчал, а затем негромко произнес:

«Что-то не сходится. Этот Фонарь — не просто артефакт, он служит глазом массива»

«И что это значит?»

«Это значит, что на нем завязана работа всего древнего заклатья. Если бы мой юаньшэнь изначально зародился внутри Фонаря, я бы неизбежно активировал защиту и привлек внимание Хэ Юаня в ту же секунду»

Нахмурившись, он начал тщательно осматривать комнату. Если это был не Фонарь, то какой предмет мог послужить пристанищем для его души?

Вскоре поиски принесли плоды: за одним из книжных шкафов обнаружилась странная деталь.

Муюнь с усилием толкнул тяжелый стеллаж, и тот послушно отъехал в сторону, обнажая зияющий провал потайного хода.

Проход был узким — в нем едва мог протиснуться один человек.

Муюнь сотворил освещающий талисман и заглянул внутрь.

Каменные ступени круто уходили вниз, теряясь во тьме. По неровным краям стен было видно, что этот путь прорубали мечом — удар за ударом, слой за слоем.

Когда Муюнь жил здесь, никакого потайного хода не существовало. Не нужно было гадать, чьих рук это дело.

Тайна Хэ Юаня и корень его безумия скрывались там, в самом конце этого спуска.

Он на мгновение вернулся к выходу, чтобы убедиться: ученик всё ещё пребывает в глубокой медитации и не очнется в ближайшее время. С помощью крови Хэ Юаня он перевел охранный массив в режим абсолютной защиты, чтобы никакой случайный гость не смог их потревожить.

Лишь после этого юноша решился спуститься в подземелье.

Лестница казалась бесконечной. Чем глубже он уходил, тем тяжелее становился воздух, а холод, пробирающий до самых костей, казалось, высасывал саму жизнь.

Наконец ступени закончились перед массивной каменной дверью.

Муюнь помедлил, а затем решительно толкнул её.

«...»

Он застыл на пороге, не в силах поверить своим глазам.

За дверью скрывалась тесная комната, едва ли три шага в ширину. В центре лежал обычный коврик для медитаций — в этом не было ничего необычного для любого затворника.

Потрясало другое: вся стена напротив входа представляла собой сплошную глыбу льда.

Спустя долгое время Чэн Муюнь обрел дар речи:

«Система, подтверди... я ведь не ослеп? Это не очередная иллюзия?»

«Вынуждена тебя расстроить: всё это чистая правда»

Всё было пугающе настоящим. В толще прозрачного льда, облаченное в нарядные одежды, покоилось его собственное тело. Точнее...

Труп Даосса-владыки Цзимина. Его собственный труп.

Белоснежная мантия с широкими рукавами, расшитая лазурными облаками, пояс с нефритом и узором из восьми триграмм — Муюнь часто носил именно этот наряд, простой, но исполненный благородства.

На фоне богатой ткани кожа казалась прозрачной и чистой, словно выточенной из ледяного кристалла. Длинные, как черный шелк, волосы были аккуратно собраны в пучок и увенчаны нефритовой короной.

Если бы не мертвенная бледность и обескровленные губы, можно было бы подумать, что человек за ледяной преградой просто спит.

Муюнь стоял как громом пораженный.

«Система... вы что, восстановили моё тело? И даже эту мантию?»

Одеяние, в которое был облачен труп, когда-то принадлежало его отцу. Это был величайший шедевр мастера-кузнеца, полубожественный артефакт, созданный перед тем, как тот навсегда погасил свой горн.

Но этот артефакт должен был разлететься в прах вместе с телом Муюня во время его самоподрыва.

«Ничего подобного, — сухо отозвалась Система. — Нам и так стоило огромных трудов вернуть твою душу в этот мир. Мы не занимаемся подобными излишествами»

Белый комочек не лгал. А если это сделала не Система и не группа планирования, оставался лишь один человек...

Главный герой этого мира, Хэ Юань.

Зная, какого могущества тот достиг к финалу сюжета, Муюнь понимал: собрать по кусочкам останки наставника и заказать точную копию его облачения для Хэ Юаня было вполне посильной задачей.

Но главный вопрос оставался открытым...

Зачем ему это понадобилось?

Вспомнив безумный взгляд ученика там, снаружи, Муюнь невольно вздрогнул:

«Он что, совсем рассудком повредился? Восстановил труп, чтобы... вымещать на нем злобу?»

«Хе-хе, кто знает... — в голосе Системы послышалась усмешка. — Может, и для этого тоже»

«Нет, я должен убедиться. Вдруг это просто искусно сделанная кукла?»

Он подошел ближе, ожидая увидеть монолитную глыбу льда, но заметил тончайшие следы меча.

Похоже, кто-то слой за слоем вырезал эту камеру из кристалла. Нащупав едва заметную щель, Муюнь с силой надавил, и верхняя панель льда медленно отошла в сторону.

Помешкав, он протянул руку и осторожно коснулся щеки лежащего «Чэн Муюня». Кожа была ледяной, но сохранила упругость. Это действительно было его тело.

Теперь всё встало на свои места. Он понял, почему Пурпурная обитель Хэ Юаня превратилась в руины — её истерзала небесная кара. Призыв души, воссоздание плоти... каждое из этих деяний было строжайшим табу.

Если бы Почтенный Меч не был избранником этого мира, обладающим несравненным талантом и чудовищной силой, он давно бы развеялся в прах под ударами молний.

А все эти слухи о том, что он застрял на стадии Преодоления Испытания — сушая ложь. Скорее всего, он раз за разом терял уровень культивации из-за гнева небес, а затем с упорством безумца восстанавливал его вновь.

Муюнь долго смотрел на свое собственное лицо, застывшее во льду, а затем резко отступил назад:

«Пора уносить ноги»

«А как же спасение ученика? — съязвила Система. — Разве наставник не как отец? Бросаешь сыночка на произвол судьбы? А если он снова сорвется?»

«Ты меня недооцениваешь. Эта медитация продлится как минимум несколько месяцев. К тому

же, ситуация куда серьезнее, чем я думал. Мне нужно во что бы то ни стало запустить шкалу прогресса»

«При чем тут шкала?»

«Без этого стимула я боюсь, что просто прирежу этого ненормального мальчишку»

Осознав тайну Хэ Юаня, Муюнь действовал решительно. Он мгновенно отказался от идеи уничтожить то, что скрывалось в обители — если он разрушит этот ледяной склеп, тот в припадке ярости сотрет с лица земли весь орден Тайсюань.

Юноша решил, что сначала нужно попытаться хоть немного выправить безнадежно искривленную сюжетную линию.

«Система, мир летит в бездну. Дай мне хоть какую-то подсказку»

Похоже, дело и впрямь приняло скверный оборот, потому что Система на этот раз обошлась без издевок. Официальным тоном она произнесла:

[Минутку, я передаю запрос руководству]

Спустя мгновение пришел ответ:

[Душа главной героини переродилась. Рекомендация: разыскать её и попытаться вернуть сюжет в прежнее русло]

Муюнь засомневался:

«Но Хэ Юань уже встал на Дао Бесстрастия. Не слишком ли жестоко заставлять его снова влюбляться?»

«В оригинальном сценарии это был гаремник. Хэ Юань познал чувства благодаря той демонической деве. Если мы сможем восстановить эту связь, возможно, его эмоциональное состояние стабилизируется. Когда чувства придут в норму, безумие отступит»

«Звучит логично», — согласился Муюнь. В конце концов, в подобных историях Дао Бесстрастия существует лишь для того, чтобы герой его торжественно нарушил.

Если ради любви к героине он не отринет свой путь, то грош цена такой преданности. Что же касается его силы — с талантами Хэ Юаня он восстановит былую мощь в кратчайшие сроки.

Главное было остановить это безумие, пока Почтенный Меч не уничтожил самого себя вместе со всем сущим.

Приняв решение, Муюнь тщательно замел следы своего пребывания в обители, спустился с горы и, не теряя времени, отправился в Зал Наград, чтобы взять задание, требующее долгого отсутствия.

Повод для прекращения уборки на Пике Вэньдао был идеальным: Почтенный Меч Сюаньхун ушел в затворничество, и простым слугам из внешнего круга там делать было нечего.

Спустя полмесяца после того, как Чэн Муюнь покинул орден, Хэ Юань открыл глаза.

Первым чувством, захлестнувшим его, была невероятная легкость. За последние пятьсот лет он ни разу не ощущал себя настолько свежим и полным сил, словно только что начал свой путь в ученичестве.

Юноша огляделся. На вершине царил тишина, не было слышно ничьего дыхания.

Тот адепт из внутреннего круга, Юй Цзюнь, целый месяц медитировал на соседнем склоне, не отлучаясь ни на миг. Хэ Юань знал об этом.

Он всегда терпеть не мог, когда кто-то пытался выведать тайны его пика, но на этот раз почему-то не стал прогонять назойливого ученика.

И где же он теперь?

«Почтенный, я ученик, получивший задание на уборку...» — в памяти Хэ Юаня всплыли эти слова.

Взмахом рукава он снял защитный массив, окутывавший Пик Вэньдао, и сел на каменную скамью.

Закрыв глаза, он погрузился в созерцание.

Хэ Юань просидел так три дня и три ночи, ожидая появления того самого адепта. Но тот так и не пришел.

На четвертый день тишину нарушил гость. Это был Гэн Чжэ, глава Пика Медицины.

Одетый в белоснежные одежды, Боевой дядя Гэн всегда встречал людей мягкой улыбкой. Увидев хозяина пика, мирно сидящего на скамье, он ничуть не удивился.

Как целитель, Гэн Чжэ по одному дыханию понял, что собеседник не находится в глубоком трансе. Он бесцеремонно уселся напротив:

— Боевой племянник, я смотрю, тебе стало куда лучше?

— Боевой дядя, — Хэ Юань опустил веки и коротко подтвердил: — Да.

Целитель не обратил внимания на холодность тона. Выздоровление Хэ Юаня было событием государственной важности для всего ордена. О его истинном состоянии знали лишь двое: сам Гэн Чжэ и глава ордена.

Все эти годы они ломали голову над тем, как ему помочь, и теперь, когда наметился прогресс, глава Пика Медицины был полон решимости выяснить причину, как бы тот ни сопротивлялся.

— Некоторое время назад я заметил, что на Пике Вэньдао был активирован защитный массив.

Когда этот массив включался, никто в ордене не смел приближаться к горе, опасаясь, что Почтенный Меч в безумии начнет убивать всех без разбору. Обычно после вспышки демонов сердца Хэ Юань скрывался от мира на долгие годы.

Но на этот раз он обрел ясность ума всего за полмесяца. Гэн Чжэ почувал неладное и поспешил сюда.

— Да, — собеседник по-прежнему был немногословен.

Гэн Чжэ привык к такому общению:

— В последнее время не случалось ли чего-то необычного? Ты никого не встречал? Когда мы болтали с главой ордена, он упомянул, что, наблюдая за звездами, увидел знак: твой шанс справиться с демонами сердца должен явиться в ближайшее время.

— Шанс?

— Он сказал, что тебе поможет некий благодетель. И добавил, что этот человек находится прямо здесь, в ордене, — закончил Боевой дядя Гэн.

Глава ордена был весьма своеобразным мечником: он обожал вино и астрологические прогнозы, хотя в гаданиях разбирался так же плохо, как и в выпивке.

Девять из десяти его предсказаний не сбывались, а последнее обычно оказывалось полной противоположностью реальности. Поэтому раньше Гэн Чжэ не придавал его словам значения.

Но Хэ Юань, услышав это, наконец проявил интерес. Движением руки он выпустил из рукава бумажного журавлика, который тут же устремился в сторону Зала Наград.

В этот день Старейшина Ху, заложив руки за спину, проверял записи о выполненных поручениях. За ним, стараясь не шуметь, следовали трое учеников-распорядителей. Они заметно нервничали.

Старейшина выглядел добродушным стариком, но в работе был чрезвычайно строг и за малейшую оплошность мог устроить суровую головомойку.

В этот момент в открытую дверь влетел бумажный журавлик и замер прямо перед его лицом. Из фигурки раздался холодный мужской голос:

— Старейшина Ху, где сейчас адепт, занимавшийся уборкой на Пике Вэньдао?

Эта простая фраза, лишенная всяких эмоций, заставила старика измениться в лице. Его пухлые щеки задрожали, он резко обернулся к помощникам:

— Уборщик Пика Вэньдао! Что с ним?!

Один из учеников, который как раз занимался этим делом, поспешно ответил:

— Но вы же сами передали слова Почтенного Сюаньхуна, что отныне на Пик Вэньдао никого пускать не велено?

Старейшина Ху хлопнул себя по лбу, вспомнил о полученном ранее послании и бросился вон из зала, на ходу выуживая ответного журавлика, чтобы всё объяснить.

— Ты говоришь, этот ученик по имени Юй Цзюнь покинул орден?

Старейшина Ху кивнул:

— Так и есть. Когда вы распорядились, что уборщик больше не нужен, он подождал пару дней, а затем взял задание на сбор редких трав и отправился в странствие. Его уровень культивации — стадия Пробуждения Чувств, так что по уставу ордена он имеет полное право покидать горы для практики.

Услышав это, Хэ Юань нахмурился. Всё выглядело логично и в рамках правил, но на душе у него было беспокойно. Ему казалось, что если он сейчас же не найдет этого адепта, то упустит нечто жизненно важное.

— Хорошо. Можешь идти.

Когда старейшина ушел, Гэн Чжэ, всё ещё сидевший напротив Хэ Юаня, спросил:

— Ты так печешься об этом Юй Цзюне... Неужели за этим стоит какая-то... история?

Юноша не привык обсуждать свою жизнь с кем-либо, поэтому лишь одарил целителя ледяным взглядом.

Гэн Чжэ в ответ лишь беззаботно пожал плечами. Другие трепетали перед Почтенным Мечом, но он — нет. В конце концов, в прошлом он был ближе всех к тому человеку, и как бы Хэ Юань ни безумствовал, он всегда относился к Боевому дяде Гэну с должным почтением. Даже теперь, когда сила ученика многократно превосходила его собственную.

— Твой недавний срыв... — продолжил Гэн Чжэ, — твой зарождающийся дух уже начал проявлять признаки демонизации.

— Я не позволю себе пасть, — отрезал Хэ Юань.

Целитель развел руками:

— Я знаю. В прошлый раз ты едва удержался на краю, лишь пожертвовав целым уровнем культивации. Почему же в этот раз всё прошло так гладко?

Хэ Юань промолчал. Но Боевой дядя Гэн слишком хорошо его знал. Сопоставив факты, он мгновенно пришел к выводу:

— Это как-то связано с тем учеником, Юй Цзюнем?

Тот помедлил, затем едва заметно кивнул и тут же качнул головой:

— Я не уверен.

Гэн Чжэ поднялся, поправил одежду, и лицо его стало серьезным:

— Как старый друг, я должен предупредить: ты на очень опасном пути. Тебе нужно что-то менять в своей жизни. И кто знает... возможно, на этот раз наш недотепа-глава и впрямь не

ошибся в прогнозах.

Не дожидаясь ответа, он обратился в поток света и исчез за горизонтом.

Хэ Юань долго стоял на краю обрыва, вглядываясь в даль. Затем он взмахнул рукавом, закрывая каменные двери обители, и белой вспышкой меча сорвался с места.

В тот момент, когда он покидал горы, глава ордена, занятый делами в главном зале, выбежал на террасу и с недоверием уставился в небо.

Следовавший за ним старейшина спросил:

— Что случилось?

— Видишь тот отблеск в облаках? — пробормотал глава. — Неужели это Меч Рассвета?

— Действительно... Постойте, вы хотите сказать, что Почтенный покинул орден?

Неудивительно, что все были так потрясены. Почтенный Меч Сюаньхун не покидал пределов Тайсюаня ровно пятьсот лет. Эти странные знамения невольно заставляли гадать: не грядут ли на землях Цзючжоу великие потрясения?

<http://bllate.org/book/15360/1422828>